

ЕДИНСТВЕННЫЕ САМЫЕ ВЫСОКИЕ ДЕРЕВЬЯ НА ЗЕМЛЕ

Новая редакция пьесы

От автора: «Первую версию пьесы я сделал в 2021 году, почти за год до начала войны. С тех пор, по разным причинам, премьера пьесы так и не состоялась. А сейчас, во время войны, я решил вернуться к этой пьесе, и сделать ее новую редакцию. И вот перед вами новая редакция пьесы и мне кажется, что возвращаться к старой версии нет уже никакого смысла, потому что с одной стороны, суть пьесы осталась прежней, а с другой, некоторые темы, диалоги и структурные особенности были приведены в порядок согласно с текущим временем. Так что при постановке на сцене или домашнем чтении пользуйтесь этим вот предложенным новым вариантом (последняя версия должна быть датирована 06.07.2022), в начале которого, размещен текст от автора, который вы в данный момент и читаете. Желаю всем счастливого Рождества в следующем году», - Иван Вырыпаев.

*«Деревья — это стихи, что
пишет земля на небе. Мы
валим их и превращаем в
бумагу, чтоб записать на ней
свою пустоту.
(Халиль Джигбран)*

*Эта пьеса посвящается моей
дочери Майе (когда она
вырастет). Помни о своем
дереве.*

Действующие лица:

Сэнди - 35/40 лет.

Дороти - 35/40 лет.

Бонча – 38/50 лет.

На сцене Сэнди и Дороти.

СЭНДИ. И вот Бонч каждую субботу ходит в Вашингтон-Парк к дереву Сэма и просит у него прощение.

ДОРОТИ. Абсолютно идиотский поступок просить прощения у дерева за то, что случилось с рекой.

СЭНДИ. Он просит прощение за то, что река забрала его маленького сына, а он сам остался жив.

ДОРОТИ. Да, этот страшный случай, о Господи! Но ведь, там, кажется, никто не был виноват? Просто какое чудовищное стечение обстоятельств.

СЭНДИ. Ну, знаешь! Вообще-то, всегда кто-нибудь виноват.

ДОРОТИ. Что ты имеешь ввиду?

СЭНДИ. Ну, всегда какой-нибудь невнимательный диспетчер неправильно посадил самолет, и все погибли.

ДОРОТИ. Да, но как это правило распространяется на случай с рекой?

СЭНДИ. Река, ведь, это своего рода диспетчер.

ДОРОТИ. О боже мой, Сэнди!

СЭНДИ. Любишь, когда я так шучу?

ДОРОТИ. Еб твою мать, ну конечно, да!

СЭНДИ. А, что ты больше всего ценишь в нашем с тобой общении?

Пауза.

ДОРОТИ. Наверное, то, что мы обе с тобой ты и я не любим всех этих людей, которые так ценят свою жизнь.

Пауза.

СЭНДИ. Ну, да!

ДОРОТИ. Хочется, чтобы у кого-то сын утонул в реке, а они потом рыдали дни и ночи напролет.

СЭНДИ. Ну, да. Всем поэтому и пришел пиздец, что все стали изображать из себя, что типа тут как-то живут. Или что эта их жизнь им якобы по-настоящему важна. Эти политики, еб твою мать, все что угодно готовы изобразить, даже самих себя изображают, сплошное, долбанное телешоу.

ДОРОТИ. Интересно, что чувствуют родители, когда их маленький сын, на их глазах тонет в реке? Когда его уносит течение реки? И родители, такие бегут вдоль берега и умоляют Бога, в которого до этого они никогда не верили, чтобы он спас их ребенка, а Бог, именно потому что они в него до этого не верили, очень цинично смотрит на все это дело и как бы говорит всей своей рекой, - раз вы в меня не верили, то и вашему сыну, сейчас пиздец.

СЭНДИ. «Бог говорит всей своей рекой», - красиво это сказано!

ДОРОТИ. Так что и пиздец вашему сыну. Пришла река!

СЭНДИ. Аха – ха – ха

Дороти и Сэнди смеются.

Пауза.

СЭНДИ. Вот именно поэтому Бонч и ходит в парк к этому дереву Сэма, чтобы вымолить прощение, за проклятое течение этой реки.

ДОРОТИ. Люди, это такая хуйня.

СЭНДИ. Ну, да. Люди, это просто какая-то инфантильная молитва о справедливости - внутри головного мозга сынишки Бонча, который, блядь, ни с того ни сего, не хотел, не хотел, а потом вдруг, ни с того, ни с сего захотел и пошел купаться на реку и пиздец, и его унесло течением реки на глазах у его охуевших от страха родителей, потому что, им раньше нужно было молиться Богу, в которого они никогда не верили, а теперь то уже поздно, и Бог этот стал рекой для их незадачливого сынишки и всей этой «религиозной подоплеке» внутри его головы. Которых уносит река.

ДОРОТИ. Аха-ха-ха. Религиозная подоплека!! Как это жестоко! Как это жестоко, Сэнди, по отношению к Бончу и его сыну Дэйву, который погиб прямо у отца на глазах.

СЭНДИ. Очень жестоко, Дороти.

ДОРОТИ. Да, да, да. Начинаю понемногу понимать. Да, да, да! Это очень важно, что это жестоко. Только кто может выдержать такую жестокую жизнь? Кто?! Но кто такое может выдержать, такое понимание всего, это же просто невозможно выдержать. Кто это выдержит?! Кто эти люди?! Кто они?

СЭНДИ. Да этого никто не выдержит, если честно. Потому что, все так привыкли спасаться за этими своими, ебаными, «правилами жизни», что попробуй только хоть как-нибудь поставь их под сомнения и тебя тут же отменят буквально ото всюду. Только попробуй усомнись, блядь, в этих правилах и тебя тут же отменят на твоей работе, в твоей семье и

что особенно забавно, что они отменяют тебя самого и в тебе самом. Потому что все мы тут на этой земле можем выдержать, любые войны и насилие, но только не критику наших неприкасаемых «правил жизни».

ДОРОТИ. А что это, кстати, за правила, которые все так держатся?

СЭНДИ. Ну как это что за правила? Это правила, которые позволяют обществу жить рядом друг с другом так, чтобы, когда ты блюешь на улице, то брызги твоей блевотины, ни в коем случае, не долетели бы до платьев и костюмов окружающих и не нарушили бы, таким образом, их личного и священного пространства, наблевав на него! И вот именно поэтому одно из главных этих правил звучит приблизительно так: «Если ты уважаешь свободу и достоинство других, то старайся держаться от них подальше».

ДОРОТИ. И уж тем более от реки.

СЭНДИ. Ну, а река тут, блядь, причем?

ДОРОТИ. При том, что от реки то тем более нужно держаться подальше, потому что она не только наблюдает на тебя своей водой, но еще и унесет на хуй своим течением в какой-нибудь абсолютно неожиданный, нелицеприятный океан.

СЭНДИ. Река наблюдает своей водой!! Ой! Не смей меня! Неожиданный нелицеприятный океан! Ну, еб твою мать! Аха-ха-ха

ДОРОТИ. Сама первая начала! Аха ха.

Смеются.

СЭНДИ. Я просто рассказала про Бонча, и о его хождениях по субботам к дереву Сэму.

ДОРОТИ. Ну, вот это то и есть самое смешное – история про Бонча. И сейчас я просто опишусь, какой это получился действительно очень смешной рассказ.

Становятся очень серьезными.

ДОРОТИ. Особенно теперь, когда Бонч снова женился. А у его новой жены еще два сына.

СЭНДИ. И все точно не утонут.

Приступ смеха. Смеются.

СЭНДИ. И всех не унесет река.

Смеются.

Вдруг, делаются серьезными.

ДОРОТИ. В пустоте всей этой бессмысленности нет смысла, правда?

СЭНДИ. Да.

Пауза.

ДОРОТИ. А Сэм, кстати, когда шестьдесят лет назад сажал это дерево в Вашингтон-Парке, то вставляя саженец в землю, произнес следующую речь: «Пусть эта Земля даст этому народу надежду на радость и веру в свое существование. Пускай во всем этом будет хоть какой-то смысл горечи нашей всеобщей любви. Потому что, все мы тут, являемся всеми этими, пускай, очень ужасными, пускай очень жестокими по отношению друг к другу, но все же молодыми саженцами, сколько бы нам, на самом деле, не было лет. Все мы являемся саженцами, которые растут из земли и из тоненьких, несмелых веточек

превращаются в толстые и мощные деревья. Пускай самыми безжалостными и конечно, безнадежно глупыми, но все же настоящими, - я конечно, сейчас не дословно цитирую речь Сэма, но по его ебанутому смыслу и по его шизофреническому стилю примерно так, - поэтому я очень хочу, чтобы мы все тут поняли именно это слово, которое в 21 веке должно стать самым главным – Настоящее. И этим настоящим являемся все мы.», - вот так, сказал великий Самуил Лонгбит Гротенхейм и посадил в этом саду первое дерево, почти шестьдесят пять лет тому назад. А теперь это великолепный Вашингтон-парк, в который все фрики ходят в туалет посрать по ночам, потому что куда им еще ходить, это ведь единственный открытый круглосуточно парк, где можно за скамейками в кустах изнасиловать какую-нибудь телочку, которая поссорилась с родителями и решила убежать в парк, чтобы начать новую жизнь. И вот она новая жизнь! В кустах за скамейкой в Вашингтон-парке. Бог наказывает всех нас своей рекой, которая уносит нас в бесконечность невозвращения назад. Бесконечность невозвращения назад. Понимаем ли мы все, что это означает - бесконечность невозвращения назад?

Пауза.

И вдруг, резко смеются.

Перестают смеяться.

СЭНДИ. И вот каждую субботу Бонч ходит и вымаливает прощения у дерева Сэма, за то, что его сынишка Дэйв, утонул в реке год назад за двести километров от Вашингтон-Парка. Ну не странно ли это?

ДОРОТИ. И ты думаешь, что дерево простит его?

СЭНДИ. Хм? Ну, наверняка, простит, а как же иначе? Дерево кого угодно простит, если вот так вот ходить и вымаливать себе прощение. Если кто-то будет ныть стоя перед этим деревом на коленях, - дерево, ну пожалуйста, дерево, ну прости нас. Нас! Прости нас! За наши фамилии! За все наши, безнадежные фамилии и расы, за цвета нашей кожи, за политические убеждения, прости нас, Бог Река! И поэтому в жертву тебе приносим мы сынишку нашего Бонча, чтобы забрала его река. Прости нас Бог-река, за то, что мы глупы, бессмысленны, не осознанны, зависимы, одержимы, фальшивы, что мы, блядь, ебать его в рот, прикрываемся всем этой любовью к справедливости и свободе, а сами не справедливы и не свободны внутри, прости нас Река-Бог, вот наше жертвоприношение - сынишка Бонча. Так что вот, забери его река, а нам дай страдание по своей несовершенной жизни, нам дай память о том, кем мы, на самом деле, являемся – памятью любви о всех нас! Унеси нашу боль рекой своей Бог. И тут, блядь, наступает, невообразимая тишина. Потому что ответа на эту молитву нет и не может быть.

Пауза.

ДОРОТИ. Но, Бонч, этот все равно мудака, согласишься?

СЭНДИ. Каждую субботу ходит к дереву Сэма, чтобы вымолить прощения о своем сыне.

ДОРОТИ. Которого год назад унесла река за двести километров от Вашингтон-Парка.

СЭНДИ. Похоже на то, как будто велосипедист в спортивной розовой майке едет по шоссе 66, куда-то в сторону города Ангелов за славой и баблом, не догадываясь, что его там, на самом деле поджидает грандиозная наебка жизни, он едет за свободой и уважением, а получит, – если вы меня любите и уважаете, то держитесь как от меня подальше.

ДОРОТИ. Абсолютно! Тем более, что мало ведь, на самом деле, людей на свете, которым по-настоящему, есть что сказать другим.

СЭНДИ. Ну из тех, кто постоянно говорит, то вообще почти что не кому!
ДОРОТИ. Нет, ну реально?! Ну кому, тут на этой планете, есть что кому-нибудь сказать? Кому?! Кому, кроме, этого модного индийского гуру, как его там?... Ладно, не важно. Который, короче говоря, просто бабло делает на всех этих наивных американцах, пытающихся сразу после кокса перейти на йогу под названием «добровольно предоставляю свой недоразвитый мозг для того, чтобы его выебал огромный хуй Шивы, для того, чтобы нам, после того, как нам выебали наши мозги, найти себя». Типа, кто-то тут в этом мире может, после того, как ему выебали мозги, найти себя? Ну разве это не какая-то хуйня?

Сэнди и Дороти очень смеются.

Пауза.

СЭНДИ. Но Бонч, все равно очень милый. Ходит к дереву каждую субботу уже целый год! Ну, знаешь, вся эта хуйня с само-прощением? Прости вначале себя, чтобы прощать других...

ДОРОТИ. Абсолютный кал!

СЭНДИ. Типа, если ты простишь себя, то и других ты простишь, а ложь там в том, что Бонч может и способен простить себя, типа, ну знаешь, я виноват, что взял сынишку на реку, и оставил его без присмотра, потому что в это время смотрел в свой долбанный фейсбук, что там у Линды за хуйня случилась с ее короновирусом, потому что она постит и постит, себя в кровати, уже целую неделю подряд, после того, как она заболела, и Бонч, такой пишет ей в личку, ты типа или сдохни или заткни свой фонтан нарциссизма, ебаная белая сучка. И тут, раз крик – Папа, папочка и пиздец – и течение реки. И Река. Безымянная, безвременная река. Живая, трагедия. Река. Несет меня.

Пауза.

СЭНДИ. И течение этой реки уносит нас очень далеко. Простишь ли ты себя? Ты? Ты, простишь ли, ты себя?! И это вопрос, который никак не нуждается в твоём ответе, потому что это вопрос не к тебе.

ДОРОТИ. Простишь ли ты себя?, - это вообще никакой не вопрос.

СЭНДИ. Вот, именно! Потому что реку Бонч не простил и не сможет простить никогда.

ДОРОТИ. Река, это абсолютно полномасштабный кал.

СЭНДИ. Он не простил реку, ну ты знаешь.

ДОРОТИ. Ну, конечно, я знаю. Он не простил ни реку, ни Бога, который сотворил эту реку, для того, чтобы она текла и отбирала у людей всякие эти их тупые надежды, отбирала у них эту проклятую религию, этот всемирный пиздеш о любви бога, которого нет, но который любит их, бог которого нет, любит их ха ха ха

СЭНДИ. Абсурд! Группа хуевых чуваков верят в одного супер заибистого чувака и молятся ему, чтобы он научил их прощать. Умеешь ли ты прощать, это вообще никакой не вопрос.

ДОРОТИ. Абсурд! Молятся чуваку, который типа создал эту реку, чтобы она отбирала у нас наших детей, которых мы сами убиваем на этой проклятой войне за любовь нашего бога, отбирала у нас веру в справедливость и веру в то, что у нас есть, какой-то там, еб твою мать, план выхода из всего этого говна, хотя на самом деле никого плана у нас нет. Поэтому и выхода у нас нет. И слава богу, что река забирает у людей всю эту чушь из головы, что типа, мы тут скоро что-нибудь придумаем, как нам справиться с этим Китаем, Ираном и русскими. Это все абсолютный блеф. Потому что такого плана нет. И поэтому нельзя справиться со злом. Потому что никакого плана справиться со злом, кроме всей

этой хуйни от всяких там хитрожопых йога-тичеров в стиле познай себя и тогда, ты изменишь мир, просто нет.

С Сэнди снова случается приступ смеха.

СЭНДИ (*сквозь смех*). Какой кал, мамочка моя!

ДОРОТИ. И вот река унесла из мозга Бонча все это дерьмо, вместе с его сыночком. И все! Все, все это благословенное дерьмо. Жалость, надежда и вера - это все, такое дерьмо! Аха-ха-ха

Дороти смеется.

Сэнди очень серьезна.

СЭНДИ. Но Бонч, все ходит и молится у дерева Сэма. Он просит о прощении. Но у кого он его просит? Кто простит его? Разве есть тут хоть кто-то кто мог бы прощать нас? Что это за сраная идея, что типа есть тут кто-то кто может нас прощать!! Разве в этой вселенной есть хоть кто-нибудь кто мог бы простить нас? Простить нас за то, как мы поступили с этой планетой? Простить нас за то, как мы поступили друг с другом, как мы изнасиловали друг друга за религию, за цвет кожи, за расу и за всякую хуйню типа «я говорю на другом языке» за всю эту чудовищную бойню, которую мы устроили вокруг этой вонючей нефти, за этих блядь клоунов арабских шейхов, в белых халатах, таких, блядь, важных и напыщенных, как будто у них у каждого хуй верблюда в жопе, за их отношения к женщинам, кто простит нас? За этих выползших из своего мерзкого фашистского ада русских, которые на глазах у всего мира опустили еще ниже, чем дно самого хуевого дна. Кто простит нас за этих русских, за то, что они, вообще, сука, есть?! Кто простит нас за Китай, который насилует тибетцев и уйгуров, а ебанные эти американские айти фирмы заказывают им изготовление своих ебанных айофонов, только бы мы могли тут все на хуй созвониться друг с другом, а уйгуры да и хуй с ними звонить им все равно не кому, и тут главное, чтобы мы западные люди могли бы созвониться друг с другом, а о чем в этом случае нам говорить то друг с другом мы даже и сами то не знаем, хуй его знает о чем нам тут на этой планете поговорить друг с другом, может о том, растем ли мы, пытаемся ли мы быть хотя бы чуть-чуть повзрослее или ни хуя уже?? Ладно, не важно о чем нам говорить, главное созвонится Аха- ха ха ...

Сэнди хохочет.

Дороти очень серьезна.

Пауза.

ДОРОТИ. Ну, а разве ты не замечала, что этот мир вокруг нас, он всегда чуть-чуть дрожит? СЭНДИ. Точно! Мир всегда чуть дрожит, как чертовое желе на тарелке. Ну, знаешь, такое розовое желе и оно так слегка трясется, пока его несут к столу?

ДОРОТИ. Ну мне ли не знать?! Мне ли не знать о желе?! Желе - это мой дом родной. Это место, где я родилась. В желе. В трясущемся желе. В самом центре этого трясущегося желе. И я отчетливо помню свою первую мысль, которую я отчетливо помню. Ну, серьезно! Кто-нибудь вообще, помнит свою первую мысль? Кто помнит, какой была его первая мысль? А я вот, как раз очень хорошо это помню. Тем более, что моя первая мысль была: «Если я зацеплюсь рукой за край этой тарелки с ебаной серой кашей, поставленной моей мамой на некотором расстоянии от меня, то я смогу пододвинуть ее поближе к

себе, и тогда уже дистанция между моим желанием и целью станет поменьше и жизнь, поэтому станет полегче». Но я тогда еще не понимала, что это может стать тенденцией. И теперь я всю свою ебаную жизнь, буду только тем, одним и заниматься, что попытаюсь подвинуть эту тарелку с кашей поближе к себе. Не задавая себе главного вопроса – а эта каша то, вообще стоит того, чтобы ее так двигать к себе, а может это каша, просто самая что ни на есть откровенная ложь? Так зачем ее так хотеть, эту черт возьми ложь? Хотим ли мы хотеть ложь? Может вот такой нам нужно задать себе вопрос, - хотим ли мы хотеть ложь?! Не «быть или не быть» как этот ебанутый Гамлет заебал целые поколения тупым своим вопросом, а – хотим ли мы хотеть свою ложь?! Хотим ли мы хотеть свою ложь – вот в чем вопрос.

СЭНДИ. Потому что, типа, смерть тогда станет попроще, для нас всех и наших детей.

ДОРОТИ. Ну, типа, того!

СЭНДИ. Мы все типа верим в то, что смерть, якобы станет попроще. Ну с хуя ли это? Тем более, что некоторые мудаки, вообще, утверждают, что смерти, вообще, на хер, никакой нет.

ДОРОТИ. Тем более, что когда эти башни то падали в Нью-Йорке, то попроще то не было никому. А было наоборот, всем пиздец, как сложно. Хотя это же просто, всего на всего, ебучая смерть. Просто ты был и нет тебя. Ну и что?! Ну и слава Аллаху что нас всех больше нет. И только эти мусульмане счастливы, думают, что они есть, но на самом деле и даже их нет.

Сэнди ус-ме-ха-е-тся.

СЭНДИ. И поэтому, как говорится, - никогда не думай, что ты лучше, чем вся эта хитрючая, всеми силами пытающаяся наебать тебя жизнь. Потому что мы, разом с ебанутым Бончем и его утонувшим сыном и есть эта жизнь. Мы и есть эта мерзкая, отвратительная грязная бойня человечества друг с другом, за кусок божественного пирога. Кому же, интересно, в итоге достанется этот пирог? Неужели, тем самым ублюдкам, что собираются съебать отсюда куда-нибудь на Марс?!

ДОРОТИ. Так оно и есть. Мы все развязали эту грязную бойню за божественный пирог. День за днем, тысячелетие за тысячелетием создавая этот абсолютно поебанный мир, в котором люди следуют только одной цели – разьебать тут все до последней бактерии, разнести тут все на мелкие кусочки и стереть все что только можно стереть на хуй с лица этой несчастной земли. Вот эта и была наша цель. К которой мы так уверенно шли и наконец, пришли. Потому вся эта наша человеческая культура, загрузила нас в свою абсолютно фальшивую систему всех этих надуманных человеческих пиздец каких гуманистических важных ценностей, которые в одно мгновение были погребены под развалами разбомбленных домов, потому что эта культура погрузила нас, блядь, в абсолютно надуманный, искусственный мир идей, мыслей, проекций и мечтаний, чтобы в конце концов, превратить человека в то, чем он сейчас и является, - машиной по производству пластиковых окон для дома. И это блядь, так невероятно трагично и так одновременно комично, что ты даже не знаешь, толи кончать от этой мысли, толи блевать. Но я то, конечно, выбираю.... Ладно, это мое дело, что я выбираю, тем более, что я тут ни хера не выбираю. А вот, Бонч наш бедный. Он то совсем уже охуел, кажется, от своей трагедии, сына вот уже год назад как унесла проклятая река, а дерево Сэма, у которого он молится, все молчит и молчит.

СЭНДИ. Дерево молчит?!

ДОРОТИ. Ты представляешь?

*С ними снова случается приступ смеха.
Говорят, сквозь смех.*

ДОРОТИ. Дерево молчит!

СЭНДИ. Молчаливое дерево!

ДОРОТИ. Ну, пиздец, вообще.

СЭНДИ. Типа, что есть говорящее дерево.... !!!

ДОРОТИ. Ай! Яй! Говорящее дерево!!

СЭНДИ. Вообще пиздец! Представляешь?! Говорящее дерево!

ДОРОТИ. Дерево такое говорит с нами. Типа, - привет, я дерево.

СЭНДИ. Ой! Сейчас я умру тут от смеха. Типа, пиздец! Я тут дерево разговариваю с вами...

ДОРОТИ. Просите у меня прощения, и я блядь, сейчас прощу вас... на колени на хуй передо мной!

СЭНДИ. Молись и проси прощения за все что ты сделал. И соси у этого дерева его деревянный хуй.

Дороти и Сэнди смеются.

Входит Исполнитель роли Бонча.

СЭНДИ. Бонч?

БОНЧ. Привет, Сэнди.

СЭНДИ. Привет, Бонч.

ДОРОТИ. О, Бонч, привет. Как дела, Бонч?

БОНЧ. Привет, Дороти, как дела? Как вы себя чувствуете? Надеюсь, что вы в порядке, так?

ДОРОТИ. Ну, знаешь. Мы, вроде бы чувствуем себя нормально, Бонч, кроме того только, что есть какое-то странное чувство неудовлетворенности от всего этого общественного коллективного, группового, такого, знаешь, Бонч, ну как бы это сказать, ну, такого как будто бы, - мы тут все вместе, на хуй, живем на этой планете, мы тут, блядь единое целое, естественно, ну и типа, кто этого еще не понял, тот еще не достиг, типа новой ступени эволюции, а тут, еще и Эра, наконец то, долгожданного, Водолея, Бонч, - не уверена, что ты сейчас понимаешь о чем я? Ну и короче, мы тут, Бонч, вроде бы с одной стороны в порядке, а с другой стороны, мы тут вроде бы, как будто бы слегка сомневаемся во всей этой конструкции, выдержит ли она? Выдержит ли она нас? Хотя кому-то, конечно, вся эта хуйня с эрой Водолея, ну как бы кажется, ну чем-то таким, вроде как, знаешь, ну если у кого-то сын утонул в реке, а он потом заставил сам себя думать, что каждая река рано или поздно впадает в океан, ну и что капля становится океаном и все возвращается туда откуда оно и вышло и вся вот эта инфантильная хуйя, а в остальном, лично я в полном порядке, Бонч, а что касается Сэнди, то я думаю она сама сейчас скажет за себя. Все правильно, Сэнди?

СЭНДИ. Все правильно, Дороти. Тем более, что ты уже обо всем сказала, как нельзя лучше, так что мне, собственно, и добавить то нечего. Привет, Бонч, рады тебя видеть. Ты, наверное, как всегда, был сегодня в парке? Сегодня ведь суббота, ну а как же иначе. Река, как говорится, не горит в огне, даже в воскресенье. А уж в субботу то и подавно никакая река не горит ни в каком огне, так что мы вроде бы окей, Бонч, а как ты?

Пауза.

БОНЧ. В субботу я, как всегда, оплакиваю свои дни, Сэнди, но сегодня все немного иначе, чем в другие субботы, потому что сегодня...

ДОРОТИ. Что ты имеешь в виду, Бонч, что это еще за оплакивание своих дней? Как человек может оплакивать свои дни? Наверное, ты хотел сказать, что оплакиваешь трагедию случившуюся в один из прошедших дней, но дни сами по себе нечего не означают, дни это просто дни, они в слезах не нуждаются, они просто проходят не оставляя от себя ничего кроме памяти обо всех этих ебанутых днях.

БОНЧ. Ну, знаешь, иногда человек может плакать хотя бы оттого, что он вообще просто на просто жив. Не хочу вносить сюда ноту сентиментальности но...

СЭНДИ. Прости, ну вот ты именно сейчас, как раз и внес эту ноту сентиментальности, Бонч.

ДОРОТИ. Ну, конечно, это очень сентиментально, когда у тебя год назад утонул, видите ли, в реке сын, и ты теперь будешь ходить среди людей с лицом норвежского лосося на гриле, намекая всем нам, что ты типа, такой типа не признанный Мандалорец в шлеме. А где, кстати, твой скрывающий твои чувства шлем, Бонч?

БОНЧ. А зачем скрывать свои чувства, Дороти?

СЭНДИ. А где твой шлем, Бонч?

БОНЧ. Какой шлем, вы о чем?

ДОРОТИ. А как ты собираешь скрывать свои чувства, Бонч?

БОНЧ. Я не собираюсь их скрывать.

СЭНДИ. Перестань, Бонч. Все нормальные люди скрывают свои чувства не только ты.

ИСПОЛНИТЕЛЬ(БОНЧА). А почему я должен скрывать их?

Сэнди и Дороти удивленно переглядываются.

СЭНДИ. Ну, хотя бы, потому что рано или поздно мы ведь все равно узнаем про себя, что мы только разговоры обо всем этом и ничего больше кроме слов. Тебе, Бонч, наверное, неприятно слышать, что ты всего лишь на всего, разговоры о реке и о сыне, которого унесла река. Ну конечно, кому это понравится узнать, что вся его вера, вся его надежда, все его идеи и мечты, все его слезы пролившиеся по поводу, каких-то там давно не существующих дней, все это, просто на просто, всего на всего, обычные разговоры в компании таких вот, как мы утративших всякую надежду и веру в величие людей.

ДОРОТИ. Утраченная вера в величие людей! Хорошо сказано.

СЭНДИ. Во всяком случае, верно. Прости, если что-то не так, Бонч. Вера в величие людей, утрачена, сам понимаешь, так что о чем уж тут говорить?!

Пауза.

БОНЧ. Величие, вы это о чем, если честно? Разве кому-то из вас знакомо это чувство собственного величия? А каком величии может идти речь, когда нет никого, кто был бы готов обнаружить в себе это самое величие. Я только об этом, Сэнди.

ДОРОТИ. Ты только об этом, Бонч?

БОНЧ. Да, сейчас, я именно только об этом, Дороти.

ДОРОТИ. А о чем ты говоришь, Бонч, прости я что-то так и не поняла?

БОНЧ. Ну, как это о чем?! О величии, которое приходит к только к тому, кто по-настоящему велик.

СЭНДИ. А как ты вообще относишься к сексу, Бонч? У тебя он вообще есть или так себе?

Ни туда ни сюда, толи есть, толи это твоя жена решает, когда тебе предоставится возможность быть ярим псом.

Пауза.

СЭНДИ. Кто же все-таки решает, когда тебе быть ярым псом, Бонч?

БОНЧ. Что, что?

ДОРОТИ. Ярым псом! Сэнди... ой (*с Дороти приступ смеха*). Ярым псом, ай, ай!!! Что ты со мною делаешь, Сэнди, я сейчас умру. Ой, ей ей!!!

СЭНДИ. Не обращай внимания, Бонч. Это не имеет никакого значения, Бонч. Никакого, абсолютно никакого значения.

БОНЧ. Ладно. Это все, действительно, не имеет никакого значения. Я просто пришел попрощаться, потому что я уезжаю. И вряд ли мы скоро увидимся. А может быть и вообще никогда. Так ведь тоже иногда бывает, люди оскорбляют и обижают друг друга, а потом вдруг раз и больше уже не встречаются никогда.

Дороти прекращает смеяться. Сэнди и Дороти внимательно смотрят на Бонча.

ДОРОТИ. Мне кажется, довольно часто именно так и случается, дорогой мой.

СЭНДИ. У меня лично такое было несколько раз.

ДОРОТИ. У меня пару раз было, и потом мы уже и правда никогда не встречались, только один раз совершенно случайно, но это была та еще встреча... ну так, как будто бы два мертвеца восстали из могил и давай бить друг друга костями без мяса и мышц. Подожди-ка, подожди-ка, я правильно услышала – ты сказал, что ты уезжаешь, Бонч?!

БОНЧ. Да.

СЭНДИ. Что, что, что, что? Да нет, конечно.

БОНЧ. Да я уезжаю. И пришел попрощаться. Потому что, вот...

ДОРОТИ. Ты уезжаешь, Бонч?!

БОНЧ. Да.

ДОРОТИ. Куда?!

БОНЧ. В Европу. И кажется, что на долго...

СЭНДИ. Ты уезжаешь жить в Европу?!

БОНЧ. Да.

ДОРОТИ. В какую страну?

БОНЧ. Во Францию, в город Тулуза. Слышали о таком?

СЭНДИ. Ну, разумеется, нет. Тулуза? Ну, разумеется, нет. Ты что-нибудь слышала о Тулузе, Дороти?

ДОРОТИ. Тулуза? Нет, никогда ничего не слышала. Ноль информации.

СЭНДИ. А зачем ты туда едешь, Бонч?

БОНЧ. Ну..., все это не так просто объяснить. Я стараюсь плыть по течению своей жизни. Так, что в общем-то я уже давно не верю в то, что уносимый течением реки предмет, может хоть как-то повлиять на эту реку.

ДОРОТИ. Ого! Вот это да!

СЭНДИ. А как же твоя новая девушка и двое ее парнишек?

БОНЧ. Мы едем вместе.

СЭНДИ. Во Францию?

ИСПОЛНИТЕЛЬ (БОНЧ). Да.

СЭНДИ. С новой женой и ее ребятишками переезжаете жить во Францию?

БОНЧ. Да.

СЭНДИ. И это никакие не дальние планы, не мечты на будущее, не весь этот понос, который ты нес до этого? Вы уезжаете во Францию, Бонч?

БОНЧ. Да. Мы уезжаем завтра. Поэтому сегодня я обхожу всех своих старых знакомых, чтобы попрощаться. Только что я был у Джо и Джил. Теперь вот заглянул на минутку к тебе Сэнди. И я очень рад, что застал тут Дороти, потому что я естественно собирался зайти и к тебе, Дороти, так что...

Долгая пауза.

ДОРОТИ. Чего-то я тут не понимаю как мне кажется. Ты хочешь сказать, что ты решил обновить свою жизнь? Начать все заново? В другой стране, с другой женщиной, с другими детьми, начать новую, абсолютно другую жизнь?

БОНЧ. Ну что-то, вроде этого.

СЭНДИ. Ты что действительно веришь, что это возможно, Бонч?

БОНЧ. Возможно что?

СЭНДИ. Стать абсолютно другим. Ну как это возможно, Бонч? Стать другим? Как это возможно? Вся твоя жизнь, все твои привычки и комплексы, все твои увлечения и твои взгляды на вещи, все это ведь нельзя взять, вот так вот и одним перелетом на самолете с одного материка на другой, взять и поменять с одной жизни на другую. Это же просто невозможно, Бонч.

БОНЧ. Я уезжаю не для того, чтобы начать жизнь заново. Ни одно живое существо в этой вселенной не может начать жить заново, потому что жизнь это не какое-нибудь там место работы или гражданство, которые можно поменять. Мы можем быть либо живыми, либо мертвыми, какие у нас еще могут быть варианты? Либо ты живой, либо тебя не существует. И что мы тут можем поменять? Бытие? Смешно. Так что я просто уезжаю, вот и все.

ДОРОТИ. Ну ты и лиса, Бонч! Хитрая, рыженькая, ебучая лисичка по фамилии Перевернувсетактобыниктониочемнедогадался. Но только ты не учел одного, Бонч. Того, что на самом деле, все причины из-за которых ты решил свалить отсюда, черным по белому прописаны на твоём лице и всей твоей внешности. Вся эта твоя жалость к себе, твоя неуверенность в отношениях с женщинами, твой страх перед будущим, твоя слабость в принятии ответственности за неудачи и твоя двойная ложь, во-первых, самому себе, а во-вторых, всем тем, кого ты пытаешься убедить, что такой несчастный бродячий страдающий призрак, как ты, заслуживает жалости, в то время, как ты не заслуживаешь никакой жалости, Бонч, потому что тебя не за что жалеть, - ты водил сына к реке, ты каждую субботу ходишь к этому дурацкому дереву и ты... Ладно. Прости, что я все это говорю, Бонч. Ты все равно уезжаешь, а мы все равно остаемся. Ты поезд, а мы вокзал, наш принцип – проноситься мимо друг друга на огромной скорости. Так, что Аревуар, месье Бонч!

Пауза.

СЭНДИ. Нет, ну вообще то, нам на самом деле очень жалко, что ты уезжаешь, Бонч.

БОНЧ. Не уверен, что вам действительно очень жалко, что я уезжаю, но дело не в этом...

СЭНДИ. Нет, как раз, именно в этом, Бонч. Мне, например, действительно очень жаль. И знаешь, почему? Потому что хоть мы с тобой никогда и не были друзьями и не делились друг с другом всем этим недовольством и раздражением на жизнь, как принято у друзей. Мы с тобой, вообще общались не так уж и часто и, тем не менее. Знаешь, Бонч, возможно, я сейчас тебя очень удивлю этим признанием, но так вот, на самом деле, у нас с Дороти весь этот последний год и дня не проходит, без того, чтобы бы мы не обсуждали твою жизнь. Ни одного дня! Мне кажется, мы даже сделали твою жизнь языком нашего

общения друг с другом. Правда, Дороти? Потому что на примере твоей жизни, нам оказалось очень удобно объяснять друг другу все наши мысли, чувства и идеи, из которых и состоит вся эта наша тонущая в реке жизнь.

ДОРОТИ. Нет, ну я бы не стала так преувеличивать, Сэнди...

СЭНДИ. А я бы стала. Я бы именно так и преувеличила, а почему бы и нет? Я лично не вижу в преувеличениях ничего плохого. Преувеличивать нужно, и максимально сильно. Потому что если ты не преувеличиваешь, то тогда ты вообще находишься, практически нигде. Ты тогда сидишь себе, такая скромная в бесчувственной компании и на вопрос, чем ты занимаешься отвечаешь, - ну, я сейчас, типа, ищу себя в нескольких направлениях это и преподавание английского, и работа с детьми, и помощь беженцам, - ну и несешь, короче весь этот булшит, вместо того, чтобы вдруг взять и сказать, что, - ну знаете, вообще то я моделирую искусственных свиней. Ну таких знаете, больших упитанных искусственных свиней, чтобы они потом, ну там, всячески ходили бы и хрюкали, и чтобы их потом забивали бы на бойне, вместе с другим свиньями, только отличие моих искусственно созданных свиней от реальных живых свиней в том, что мои искусственно созданные свиньи, когда мы их убиваем радуются и поют и еще от них исходит такой запах, что когда ты его понюхаешь, то..., - ладно, это просто полет фантазии, это то, что придает мне уверенности, это то, что делает меня неповторимой, то, что позволяет мне ощущать свою востребованность в этом мире, потому что теперь я что-то из себя представляю, я придумала искусственных свиней, а значит, я могу интересно мыслить, меня можно учитывать, можно пригласить на зоом-конференцию под названием «Люби то, что делаешь», чтобы поболтать со мной о том, какой я испытываю невероятный оргазм, когда слышу как выхрюкивают мелодию из песни Эд Шерана мои искусственные свиньи. И мне, действительно, есть что рассказать. Я теперь в одном ряду с теми самыми, чуваками, которые предлагают лететь на Марс. Я теперь тоже участвую во всех этих бессмысленных дискуссиях и, гребаных мастер классах. На ютуб каналах и аудио-подкастах открыто делюсь с миром своим драгоценным опытом о трансформации и новых смыслах. Искусственные свиньи – это новый смысл. Хотя, на самом деле, мало кто вообще понимает, что вся эта абсолютно ебнутая международная культурная программа, частью которой мы все являемся, как однажды появилась, так однажды и исчезнет, разлетевшись на куски от сброшенной каким-нибудь сморщенным параноидальным уебком-карликом, атомной бомбы. Гнойный уебок сбросит нам на головы парочку своих атомных бомб и закроет весь этот неудавшийся культурный проект. И тогда от всей этой ебнутой мировой культуры в одну секунду не останется никаких ни литературных памятников, ни предметов глубокой древности, ни произведений для эстетического наслаждения, ни пленок, ни масок, ни красок, ни книг и ни холстов, ничего. Ничего не останется, ни от электронно-нейроновых соединений, ни от левого и правого полушарий, ни от дыхательной системы, ни от хотя бы, малейшей способности человека понимать, - по какой причине мы каждое утро должны просыпаться и открывать глаза?

Долгая пауза.

ДОРОТИ. Ну, а я, если позволишь, хотела бы добавить пару слов от себя. Потому что, видишь ли, Бонч. Не знаю, на сколько ты вообще в курсе, того, что сейчас происходит в Саудовской Аравии? Вряд ли, конечно, ты следишь за тем, что происходит в этой стране. Сейчас, внимание всего мира приковано, конечно, к другому важному событию - к подготовке к этому ебаному путешествию на Марс. Хотя ты, наверное, и за этой новостью тоже не особенно следишь, ты ведь сосредоточен на своей ебучей молитве к тупому дереву в парке. Так что, ты даже не знаешь, что происходит у тебя на соседней улице, но

не важно, для таких лохов это нормально ни хуя ни о чем не знать... Короче говоря, в Саудовской Аравии, сейчас приступают к строительству совершенно уникального города. Города будущего. Под названием Неом. Абсолютно экологичный, без дорог и улиц. По самым высоким стандартам современной урбанистики, с искусственными облаками и искусственной луной над городом. И, что главное, в этом городе впервые за всю историю мусульманского государства «Саудовская Аравия», будут продавать алкоголь. Это, короче говоря, будет самый крутой город на планете, Бонч. Представляешь! Высокие башни домов, искусственно насаженные деревья, летающие какие-то аппараты обслуживающие клиентов. Искусственная луна, Бонч! Искусственных свиней, правда, скорее всего, пока что не будет, ну, потому что вначале давайте алкоголь как-то легализуем в глазах Аллаха, а потом может уже и искусственных свиней начнем внедрять. Понимаешь, Бонч?! И весь вот этот треш, весь вот этот Марс, весь этот, невероятно тупой подход к жизни... Все это.... Потому что как тебе все это поможет, Бонч?! Как нам все это поможет?! Как вся эта ебаная экспедиция на этот чертовый Марс поможет детям умирающим от жажды, голода, насилия, болезней и войн? Как она поможет всем этим жителям Африки у которых через два года средняя температура воздуха никогда уже, блядь, не будет опускаться ниже 60 градусов, невъебенной жары. Как им поможет наш полет на Марс на этот долбанный Марс? Мы типа улетаем на Марс, до свиданья, а вы тогда можете занять наши дома в Калифорнии и все, что там в холодильнике осталось все ваше, пользуйтесь на здоровье. Понимаешь, Бонч? Нельзя, изменить свою жизнь путем перемещения из одной точки в другую. Вот, просто хотела тебе это сказать, на прощание. Прости, если может быть получилось, слишком, ну это... ой, да ладно, короче. Едешь так едешь, съебывай отсюда поскорее, счастливо пути, Бонч. Прощай.

Долгая пауза.

БОНЧ. Мне уже нужно идти, день короткий, а людей, с которыми я хочу попрощаться еще довольно-таки много. И поэтому, можно я тоже кое-что скажу вам на прощанье. Я, собственно, за этим к вам и пришел, ну, чтобы не просто сказать, - прощайте, - ну и еще для того, чтобы сказать вам каких-нибудь там пару слов о смысле, о сути, контексте и способе постижения такой волнующей всех вещи как жизнь.

ДОРОТИ. Постигание волнующей всех вещи под названием жизнь? Ну, ты даешь, Бонч. СЭНДИ. Ты реально не говоришь, а просто пердишь в пространстве. Волнующая всех вещь под названием жизнь. Ну ты даешь, Бонч!

Пауза.

БОНЧ. Потому что лично мое отношение к тому, что такое человек довольно-таки непросто сформулировать. Раньше я думал, что человек это тот, кто постоянно хочет быть лучше и лучше, кто живет тем, что пытается улучшить и улучшить свою и окружающую жизнь. Моя мать, например очень много пила, но постоянно учила нас, что алкоголь пить нельзя. Мой отец, хоть иногда и бил мою мать, все же постоянно повторял нам, что мужчина должен быть защитником женщин и детей. Постоянно улучшать. С довольно-таки раннего возраста я стал верить, что смысл жизни человека в том, чтобы постоянно улучшать эту жизнь. Но в какой-то момент, уже в достаточно взрослом возрасте, я, вдруг, почувствовал такую огромную усталость от всего этого бесконечного улучшения, в которое было вовлечено все окружающее меня общество, что единственно чего мне захотелось, так это всячески, всеми силами противоречить и сопротивляться всему этому стремлению к улучшению, мне захотелось нарушить все правила, все законы, все

направления. Чтобы только ни в коем случае не идти в ту же самую сторону, в которую идут все.

ДОРОТИ. Милостивый, Господь! Мне кажется, что ты сейчас наизусть читаешь фрагменты из Джека Лондона, Бонч.

БОНЧ. Я скоро закончу, Дороти, не перебивай. Для того, чтобы подойти к тому, что я хочу сказать, мне нужно немного разогнаться и создать правильный контекст.

СЭНДИ. Ты вспомнила Джека Лондона, а я почему то, Курта Воннегута.

ИСПОЛНИТЕЛЬ (ДОРОТИ). А кто это? Опять какой-нибудь Йог?

СЭНДИ. Да, не важно. Извини, Бонч. Продолжай, нести всю эту хуйню, мы внимательно слушаем, давай.

БОНЧ. И вот когда я смотрю на вас. На тебя, Сэнди и на тебя, Дороти. То я очень хорошо понимаю из чего вы сделаны. Такие вот, в общем то, еще молодые и красивые, современные женщины. И я очень хорошо понимаю, из чего вы состоите. Из каких частей.

ДОРОТИ. С каждой минутой все интересней и интересней, Бонч, не замедляйся.

БОНЧ. Вы умны, вы ироничны, вы развиты, самокритичны, вы, как бы, всегда чуть-чуть выше всех этих обывателей, всех этих участников соцсетей не говоря уже о тех, кто смотрит телевизор, а потом еще на полном серьезе ходит на выборы. Голосует за Трампа или Байдена, думая, что это действительно повлияет на его жизнь, но вы то уже давно в это не верите, потому для вас все эти политики и все эти системы, одинаково омерзительны и фальшивы. Потому что вы же, как будто ясно видите, что на самом деле все эти политики или священники или бизнесмены, всегда преследуют только свои личные цели выдавая их за общественные и вам смешно относится к этому серьезно. И пускай, все эти не удовлетворённые жизнью искатели смыслов и приключений обмениваются своими идеями, зарабатывают друг на друге, не замечая, как из них капля за каплей вытекает все живое и уникальное, до тех пор пока они окончательно не превратятся в говорящих человеческими голосами роботов автоответчиков в своих айфонах, зато вы, - вы такие красивые, неповторимые, уникальные и очень трагические, скрывшись за масками снобок и маргиналок, на самом деле, сохраняете внутри себя частичку подлинной живой жизни. Не попадаясь на удочку всей этой общественной этики, которая, по вашему мнению с каждым днем все больше превращается в систему контроля и подавления. Но вы, против всех систем и вы, против следования за толпой. Потому что, вы считаете, что у толпы нет свободы личного выбора. Толпа, это всегда – никто. Я ведь все это понимаю. Вы такие неожиданные, неординарные, умные. А я для вас, разумеется, повод для насмешек. Представитель всего этого обывательского мирка, в котором люди все еще верят в общественные принципы. Отсталые, ординарные, серые не интересные людишки все еще верят, в то, что если общество так решило, то так оно и будет, смешно! Но вы! Вы Дороти и Сэнди, вы не такие как мы все. Вы изо всех сил пытаетесь удержаться на территории искренности перед собой. Вы скорее готовы выбрать зло, чем эту пластмассовую жизнь в ютубе . Где напичканные кокаином или кундалини йогой или подкастами Джо Рогана, толпы влюбленных в свое дело нарциссов призывают всех летать по космосу и уничтожать всякие границы своих сомнений, стирать любые свои сомнения и границы, чтобы однажды где-нибудь в районе Марса или в районе своего оцифрованного мозга, вы смогли бы вдруг, наконец-то обрести то, ради чего всего это могучее движение и начиналось, - свободу. И понятно, что от такой безумной идеи, вы стараетесь стоять как можно подальше в стороне, потому что вы не верите в то, что для обретения свободы нужны какие-то идеи и методы. Вы настроены абсолютно противоположно. Вы считаете, что единственным путем к свободе является принцип – постоянного отрицания и отказа, и отсюда в вас присутствует эта постоянная потребность все высмеивать и подвергать сомнению, чтобы ни к чему не приклеиться и

не прилепиться, потому что вы считаете, что по-настоящему быть свободным это означает – быть свободным от всего. И поэтому вам приходится кривляться и атаковать. Так, как вам кажется, что только так вы сможете спрятаться от всех и притвориться что вы типа тоже втянуты во всю эту пластиковую херню, а на самом деле, вы останетесь в себе, в своей реальной жизни, в которой вы оставляете себе право быть плохими, быть не толерантными, быть агрессивными, но зато быть естественными и значит живыми. Вот. Вот так я это вижу. И поскольку я уезжаю. И, возможно, мы вряд ли когда-нибудь увидимся. Я пришел к вам, чтобы сказать вам на прощание несколько очень искренних, по-настоящему искренних слов. Надеюсь, вы мне позволите их сказать? Я постараюсь быть очень краток.

ДОРОТИ. Подожди-ка! Ты что хочешь сказать, что этот вот твой, ебучий получасовой монолог, это еще не то, что ты собираешься нам сказать?!

БОНЧ. Мне нужно было это вступление, чтобы обозначить контекст, в котором мы находимся, чтобы то, что я скажу сейчас было вами услышано и воспринято абсолютно адекватно. И так. Я могу перейти к сути, того, что я хотел бы вам сказать?

СЭНДИ. Так ты что, хочешь сказать, что мы сейчас все еще в самом начале твоего выступления?!

БОНЧ. Мы у черты смысла.

ДОРОТИ. Мы у черты смысла, Бонч?!

БОНЧ. Да.

ДОРОТИ. Ну, ладно, Бонч. Давай перейдем эту черту. Ты как, Сэнди?

СЭНДИ. Не уверена, что я такой человек, который может перейти черту смысла такого человека как Бонч.

ДОРОТИ. Короче говоря, мы тебя все слушаем. Продолжай гнать.

Пауза.

БОНЧ. Видите ли, я прихожу к людям не для того, чтобы навешивать на них какие-то очередные смыслы и идеи. Я всего, лишь на всего, хочу поблагодарить каждого с кем я сталкивался в моей жизни тут в Вашингтоне, тех, кто был частью моей жизни, косвенно и напрямую, жил вместе со мной, любя или не любя меня, жалея или смеясь надо мной, всех, кто вместе со мной день за днем жил эту жизнь. И вот, напоследок, я хочу от всего сердца оставить всем этим людям маленький подарок в благодарность за прожитые вместе, какими бы они не были, дни нашей жизни. Поэтому примите от меня, это в дар. Этот подарок в виде Знания, потому что, - ну что может быть ценнее Знания? И теперь я хочу поделиться с вами этим Знанием, которое, если его правильно услышать и верно понять, может очень сильно сэкономить ваши финансы и уберечь от растраты, чтобы вы уже понапрасну, не тратили такие огромные деньги на все эти космические экспедиции, микродозинг и бихрам йогу свой бюджет. Потому что от правильного понимания и вся жизнь становится правильной, а от неправильного понимания, жизнь эта превращается в один сплошной поиск постоянно чего-то нового, и причем остановить поиск не возможно, поскольку как только кто-то находит что-то новое, так сразу же в эту же секунду, это новое устаревает и уже не является новым, и теперь мы снова должны броситься на поиски, и так весь этот абсурд продолжается уже, если вы успели заметить, несколько тысяч лет. Поэтому, если мы и правда хотим выйти из этого бешеного круга в погоне за лучшим и новым, нам нужно совершить одно очень важное действие. Действие, которое переведет нас из одного мира в другой, нам нужно совершить действие, которое, раз и навсегда поменяет этот наш устарелый взгляд на эту реальность. Но для того, чтобы совершить это действие, мы должны обрести веру. Мы должны поверить в то, что, то, что мы

собираемся сделать, действительно может получиться. И поэтому нам нужна вера. А вера укрепляется Знанием. Поскольку верить в то, что точно знаешь гораздо легче, чем верить в то, о чем тебе говорят какие-то странные люди, одетые в странные широкие балдахины и называющие себя священниками, трудно поверить в то, чего не знаешь, а поэтому Знание, крайне важно. И поэтому, я готов поделиться этим Знанием прямо сейчас. И так, будьте же готовы услышать и получить это знание. Внимайте каждому сказанному слову с открытым умом и сердцем. И пусть будет так. А теперь, с вашего разрешения я и произнесу свою прощальную речь.

СЭНДИ. А это, типа, снова что ли было, мать твою, очередная порция проклятого вступления? О раны Господа, Бонч!

ДОРОТИ. Ладно, Бонч, ты давай уже и правда, переходи-ка, ты к своему посланию. А то еще одного такого получасового вступления наш мозг просто не выдержит.

СЭНДИ. Давай, Бонч или отваливай отсюда или говори суть.

Пауза.

БОНЧ. Хорошо, вот вам суть.

Пауза.

БОНЧ. Никто из людей, живущих на этой планете, не может знать, где, на самом деле растут самые высокие деревья на земле. Потому что, если ты называешь какое-то дерево самым высоким из всех, то это значит, что ты должен знать все деревья на этой планете, чтобы иметь такую возможность - сравнить. Но никто из людей не знает все деревья на земле, потому что, даже используя современные технологии все деревья все равно знать нельзя. Тем более, что помимо видимых глазом деревьев есть еще и деревья, которые человеческий глаз и технические приборы не могут зафиксировать, так как эти деревья по своей структуре тоньше самых тонких волн. Потому что эти деревья, не находятся в трехмерном физическом пространстве или даже в волновом энергетическом поле, а потому что, они, эти деревья находятся внутри нас. Итак. Я Джонатан Бонч, будучи в здравом уме и трезвой памяти, будучи в ясном сознании, не находясь ни под какими наркотическими или алкогольными или изменяющими психику веществами, со всей прямой и честной заявляю, что Единственные Самые Высокие Деревья на Земле, находятся внутри нас. И теперь я задаю вам вопрос. Знали ли вы об этом до того, как я сейчас вам об этом рассказал? Ты знала об этом, Дороти?

ДОРОТИ. Ох, Бонч! Ну как я могла о таком знать? Разве что если бы я прочитала об этом в каком-нибудь ебанутом треш-комиксе, да и то вряд ли. Тем более после того, что ты только сообщил нам, я вообще не уверена, что я в ближайшее время смогу восстановить это пропавшее качество – хоть что-нибудь понимать.

БОНЧ. А ты знала, об этом Сэнди?

СЭНДИ. Нет, Бонч. Для меня все это тоже явилось полной неожиданностью, да и вряд ли к такому можно подготовиться! Ну, если только обожраться глюкопратинолу, да и это не может.

БОНЧ. Ну вот видите! Сегодня, уже мало кто знает о таких вещах. И поскольку я уезжаю. И мы больше никогда уже не увидимся. То на прощание, мне хочется оставить каждому из вас, что-то очень важное и полезное. Что-то, с чем вы теперь можете счастливо жить. Это мой подарок для вас. Вот это знание, берите его. Единственные Самые Высокие Деревья на Земле находятся внутри нас, они начинаются в наших ступнях и потом поднимаются вверх своими корнями уходя в копчик, а уже из копчика выходят на свет и тянутся вверх

вдоль позвоночного столба до самой макушки уходя своими кронами в небо. Таким образом, получается, что деревья эти, пронизывают все наше тело насквозь снизу вверх. И теперь, когда вы уже знаете об этом? Когда это стало для вас не просто верой, но и знанием, то тогда, скажите мне, ну есть ли хоть какой-нибудь смысл развивать весь этот абсолютно бессмысленный, бесполезный и очень угрожающий нашей жизни, технический прогресс? С этим вопросом, я и оставляю вас. Думайте. Исследуйте. Ищите. Подвергайте сомнению. Но при этом всегда опирайтесь на знание, полученное вами сегодня. Укрепляйте свою веру в то, что все эти деревья, которыми мы являемся, в свою очередь являются одним общим садом. Садом нашей всегда новой и никогда не меняющейся любви. И именно поэтому, Знание о том, что единственные самые высокие деревья на земле находятся внутри нас сегодня как никогда очень важно. Поскольку только тот, кто знает правду о деревьях, только тот никогда не собьется с правильного пути. А что это за путь, я вам позже объясню, в какой-нибудь другой раз. А сейчас прощайте. Всего вам самого хорошего. Берегите себя. Ну вот и на этом, пожалуй что, все. Прощайте. Не забывайте обо мне. И если вам не трудно, то ходите время от времени к дереву Сэма. Молитесь там, как умеете и в меру сил. И пусть река, забравшая у меня моего сына, заберет теперь и у вас все ваши печали, и вашу бесконечную грусть. Помните любовь это река, и не нужно ее переплывать с одного берега на другой. Нужно просто утонуть в ней. До свиданья.

*Бонч, по очереди жмет руки Сэнди и Дороти.
Потом уходит.*

Долгая пауза.

СЭНДИ. Боже мой, бедный Бонч. Сошел с ума!

ДОРОТИ. От горя, наверное?! Бедняга, Бонч.

СЭНДИ. Какая трагическая судьба выпала на его долю надо же. Мать алкоголичка, которую бил ее муж, сын утонул и жена бросила, ну конечно, кто такое выдержит?

ДОРОТИ. А знаешь, я ведь вначале абсолютно поверила, что он уезжает.

СЭНДИ. Да, я тоже. Ну, конечно. И первой звоночек у меня прозвенел, только тогда, когда Бонч начал объяснять нам же наши взгляды на жизнь.

ДОРОТИ. Да именно. Я тоже тогда подумала, что кажется Бонч все дальше и дальше уходит куда-то совсем, совсем не туда. Ну, а потом, когда он уже про знание стал говорить, то я вдруг, тогда стала внимательно следить за его движениями и взглядом. И знаешь, что мне сразу же бросилось в глаза? Его невероятная уверенность в том, что он говорит что-то вразумительное.

СЭНДИ. Ну это же и есть первый признак, психического заболевания, - непоколебимая уверенность в том, что ты говоришь.

ДОРОТИ. А в добавок еще и маниакальный синдром, явным признаком, которого является убежденность в том, что ты обладаешь неким знанием, которое поможет другим.

СЭНДИ. Бедный, бедный, Бонч. Как же мы можем ему помочь? Наверное, нужно связаться с каким-нибудь психиатром.

ДОРОТИ. И чем быстрее, тем, лучше, потому что он ведь сейчас ходит со всей этой своей безумной проповедью и пугает людей. Ой... меня тошнит. Фу!

Дороти морщит лицо, мотает головой по сторонам.

СЭНДИ. С чего бы это? Мы ели то только печенье, странно. Давай я заварю тебе свежую мяту в стакане, она поможет.

ДОРОТИ. Фу!! Ну не знаю у меня такое ощущение, как будто из меня сейчас должно что-то выйти. Я буду блевать. Ведро. Быстрее, я уже блюю.

Сэнди хватается вазу с цветами, выбрасывает цветы и подает вазу Дороти.

СЭНДИ. Вот ваза блюй в нее.

ДОРОТИ. Ой ей!!

Дороти блюет в вазу. Ее просто выворачивает наизнанку.

СЭНДИ. Господь! Ну тебя и выворачивает! Ой! Ой ей! Меня тоже затошнило! Ой йе йе!! Господь Иисус! Я сейчас тоже кажется... Что же мы такое съели то, что нас... Дай-ка сюда вазу. Скорее давай ну...

Дороти отдает вазу Сэнди. Сэнди блюет в вазу. Ее тоже выворачивает на изнанку. Какое-то время Сэнди и Дороти по очереди блюют в вазу, передовая ее друг другу. Воскликая: «Ой. Что же мы съели то такое?! Ой еее..»

Наконец-то, они перестают блевать и приходят в себя. Жадно пьют воду.

Какое-то время молчат.

СЭНДИ. Что же мы такого съели, как думаешь?

ДОРОТИ. Ничего мы не съели. Не нужно вообще об этом думать. Было и было. Прошло, слава богу и все.

Какое-то время сидят молча.

СЭНДИ. Ну, не знаю, что это было? Но мне очень полегчало. Как будто из меня вышло все дерьмо всей моей жизни. Фу.

ДОРОТИ. Мне тоже, намного, намного лучше. Как будто из меня вышло какое-то самое говнистое говно, с которым я жила всю жизнь. Уф! Красота!

Какое-то время сидят молча.

СЭНДИ. Да. Как говорится, - были и у меня в молодости полеты на воздушном шаре, когда все мы держались только за воздух. Пока я, наконец-то, не поняла, что два раза любить нельзя.

ДОРОТИ. Снова обсуждаем Бонча, да?

СЭНДИ. Нет, ну не о политике же нам разговаривать, в конце то концов.

ДОРОТИ. Нельзя два раза любить?

СЭНДИ. Да.

ДОРОТИ. Да?

СЭНДИ. А знаешь, эта женщина, которая с ним живет, Моника, она ведь поет в джаз-бэнде. Выступает по разным клубам.

ДОРОТИ. Боже мой, ведь на самом деле, очень трудно найти себе нормального мужика, в мире, где все мужики просто пыльца от цветов и вот только, казалось бы, уже нашелся

мужик, ну, там с нюансами, конечно, типа того, что сын утонул, жена ушла, но в целом вроде ок, бывает и похуже, политик какой-нибудь не дай бог. А тут вот: добрый, нежный, внимательный. Присмотрит за ребяташками пока мама там поет в клубах по вечерам и трахается в гримерках. И вдруг, на тебе. Слетает с катушек. И нет счастья. А нельзя ведь два раза любить... Ну короче, ты ведь понимаешь, о чем я?

СЭНДИ. А ты, случайно, не запомнила, что там Бонч, говорил про эти деревья? Как будто бы они в нас растут от жопы до головы, я правильно понимаю?

ДОРОТИ. Ну, мы типа и есть эти деревья, что-то в этом роде. Бонч, Моника, ты, я, дети Моника и сынишка Бонча, который утонул, мы все Единственные самые высокие деревья на земле. Это, как я понимаю уже не гуманизм и даже не трансгуманизм, а это такое уже квантовое какое-то понимания человека и того куда он пришел. Типа, Бонч, хочет сказать, что отныне все наши идеи, все наши взгляды на жизнь, мировоззрения, системы наших ценностей, все это теперь перестало иметь значение. Потому что, вся наша прежняя ебнутая ортодоксально-параноидальная культура была построена на том, что любить можно бесконечное количество раз и чем больше, тем лучше, а на самом деле даже два раза нельзя любить, а только один единственный бесконечный, никогда не прекращающийся героиновый трип, раз.

СЭНДИ. А если не получится, то значит, просто на просто, смерть?

ДОРОТИ. Да.

СЭНДИ. Там, где заканчивается красота всех наших слов и начинается стремление придумывать слова, там просто смерть?!

ДОРОТИ. Да, да и да!! Там, просто смерть!!

СЭНДИ. Там просто смерть.

ДОРОТИ. Да, там просто смерть.

СЭНДИ. Там просто на просто смерть.

ДОРОТИ. Да, там просто смерть.

СЭНДИ. Просто смерть.

ДОРОТИ. Раз, два, три и все останавливается, да?

СЭНДИ. Бомба падает на твой дом и всей этой культуры больше нет.

ДОРОТИ. Бедный, бедный, Бонч. Тяжело быть сумасшедшим в мире, где все думают про себя, что уж, кто, кто, а мы то нормально.

СЭНДИ. Хотя на самом деле, почти никто не нормально.

ДОРОТИ. Так в том то и дело, что вообще никто не нормально.

СЭНДИ. Ну, может два, три человека, но это точно не мы.

ДОРОТИ. Ну, там этот как его? Далай-Лама какой-нибудь. Он типа в порядке, вроде. Хотя тоже зачем-то носит этот красно-желтый халат, может чтобы прятаться за ним от всех его ебнутых на всю голову фанатов?

СЭНДИ. Вот именно!

ДОРОТИ. Или Бонч.

СЭНДИ. А что, Бонч?

ДОРОТИ. Может быть он, на самом деле, всего лишь, в одном шажке?

СЭНДИ. В одном шажке от чего?

ДОРОТИ. От того, чтобы перестать изображать жизнь.

СЭНДИ. Ты знаешь, что в театре изображают жизнь?

ДОРОТИ. Ну, конечно. Люди платят деньги за то, чтобы сидеть себе спокойно в темном зале и смотреть как на освещенной светом сцене изображают жизнь. Именно, здесь и сейчас.

СЭНДИ. Я это люблю.

ДОРОТИ. И именно сейчас.

СЭНДИ. Я это чувствую.
ДОРОТИ. И я это чувствую.
СЭНДИ. Именно сейчас.
ДОРОТИ. Именно сейчас, да.
СЭНДИ. Изображаем жизнь.
ДОРОТИ. Да.
СЭНДИ. Сейчас.
ДОРОТИ. Как будто кто-то смотрит на тебя, пока ты изображаешь жизнь.
СЭНДИ. Да.
ИСПОЛНИТЕЛЬНИЦА (ДОРОТИ). Да.
СЭНДИ. Изображаем жизнь.
ДОРОТИ. Причем все.
СЭНДИ. Вот, именно.
ДОРОТИ. Все только этим и занимаются, что изображают жизнь.
СЭНДИ. Нельзя два раза любить.
ДОРОТИ. Нет.
СЭНДИ. А Бонч сумасшедший, ебанутый на всю голову, мудака.
ДОРОТИ. Ну, да.
СЭНДИ. Нельзя два раза любить, потому что любовь, это только то, что ты чувствуешь до тех пор, пока не наступил второй раз и вот тогда какой угодно уже любви приходит конец, потому что два раза любить нельзя.
ДОРОТИ. И честно говоря, пошел он на хуй этот, Бонч. Невозможно так жить, чтобы все свелось только к нему. Есть ведь и еще какая-то другая жизнь. До Бонча, помимо Бонча, после Бонча.
СЭНДИ. Ну, вот именно, есть еще и другая жизнь, кроме жизни состоящей из обсуждения жизни Бонча.
ДОРОТИ. Потому что нельзя второй раз полюбить.
СЭНДИ. Ну типа того.
ДОРОТИ. Одного раза полюбить вполне себе достаточно, чтобы полюбить навсегда.
СЭНДИ. Ну типа того.
ДОРОТИ. Чтобы всегда была одна только единственная самая высокая любовь на земле.
СЭНДИ. Да.

Пауза.

Входит Бонч.

БОНЧ. Я чуть не уехал без одного очень важного пояснения, которое я забыл вам дать вместе с тем, знанием, которое вы получили о Единственных самых высоких деревьях на земле.
ИСПОЛНИТЕЛЬ (ДОРОТИ). А! И вот, кстати, хорошо, что ты пришел Бонч, потому что у нас тут как раз есть один телефон, одной женщины, которой ты просто должен позвонить и рассказать всю эту свою фишку о деревьях. Она все поймет и поможет тебе, просто позвони ей.
БОНЧ. Не понимаю о какой женщине вы говорите, но это и не важно.
СЭНДИ. Нет, это важно, Бонч, потому что эта женщина лучший психиатр в Вашингтоне.
ДОРОТИ. Люди, которые молятся деревьям в парках это ее специальность.
СЭНДИ. Записывай ее номер, Бонч.
БОНЧ. Возможно, вы считаете меня сумасшедшим, если предлагаете психиатра, но это напрасно. Завтра я все равно уезжаю, так что мне в этой стране больше уже никто не

поможет, да я и не нуждаюсь в помощи. Когда авиабилет жжет твоё бедро в кармане брюк, ты уже не думаешь ни о чем, кроме полета, который практически неизбежен. Но я вернулся совсем не поэтому.

ДОРОТИ. Ну конечно не поэтому. А почему, Бонч?

БОНЧ. Да, не поэтому, не для того, чтобы снова разговаривать на старые темы. Я вернулся, только из-за не до конца правильно озвученной мною инструкции, которую я вам дал, о деревьях, потому что я забыл упомянуть одну важную вещь, ну как так получилось?! Как я мог забыть?! Закрутился. Много дел. Много мыслей и идей. В общем я забыл указать вам на одну важную вещь, без которой пользоваться знанием о Единственных самых высоких деревьях на земле просто невозможно.

Пауза.

ДОРОТИ. Ну, и?

БОНЧ. На самом деле, опция включать или выключать деревья находится в ваших руках. Это ваше право включать или выключать. Все вокруг. Это находится у вас. Вы это полностью контролируете. Включать и выключать. Вот и все.

Пауза.

СЭНДИ. Хорошо, что ты это сказал, Бонч.

ДОРОТИ. Да, спасибо, что не поленился вернуться.

БОНЧ. Ну, а как же иначе. Это ведь самое главное.

СЭНДИ. Спасибо, что не улетел, не сообщив нам об этом.

БОНЧ. Нет, ну это вы меня простите, что сразу не сказал вам. Просто столько всего, всяких мыслей и идей, что иногда теряется самое важное. Ну тоже смешно да? Рассказал, как все работает, а про то, что вы можете это включать и выключать забыл упомянуть. Смешно, да?

ДОРОТИ. Очень сильно смешно, Бонч.

СЭНДИ. Никогда еще не слышала ничего более смешного, чем эта твоя шутка.

БОНЧ. Это не шутка.

Пауза.

БОНЧ. Ну, ладно. Раз я это сказал. И вы теперь знаете, что можно включать и выключать, то я пошел.

ДОРОТИ. Хорошей дороги, Бонч.

СЭНДИ. Удачи, Бонч. Телефон психиатра если что у нас есть. Так что звони.

БОНЧ. Еще раз повторяю, не нужен мне никакой психиатр.

ДОРОТИ. Ну тебе может быть и не нужен, а Монике твоей, скорее всего, пригодится. Так что мы ей вышлем смс с этим номером, просто на всякий случай. Всего хорошего, Бонч.

СЭНДИ. До свидания, Бонч. Всего хорошего. Удачи. Пока, пока.

БОНЧ. Желаю всем счастливого Рождества в следующем году.

Бонч стоит неподвижно и смотрит на Дороти и Сэнди. Все они стоят и смотрят друг на друга. Желаю всем счастливого Рождества в следующем году.

ЗАНАВЕС

*Новая редакция, Лондон,
6 июля 2022г.*